

Примечания:

1. "Русское обозрение" - журнал консервативного направления. Издавался в Москве с 1890 г. Под руководством редактора кн. Д. Цертелева на пожертвования крупных меценатов, в первую очередь Д. Морозова, а с 1896 г. на правительственные субсидии.
2. Леонтьев К., наш современник. Спб. 1993. С.355.
3. Там же. С.356.
4. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Избранное. М. 1993. С.1-2.
5. РГАЛИ. Ф. 290. Оп.1. Д.51. Л.3.
6. О.А. Новикова, урождённая Киреева, сестра генерала А. Киреева, известного последователя К.Аксакова, крестница Александра III, невестка посла. Была близка к российскому двору и стояла на славянофильских позициях.
7. РГАЛИ. Ф.345. Оп.1. Д.749. Л.6.
8. Леонтьев К., наш современник. Спб. 1993. С.374.
9. Пазухин А.Д. Состояние России и сословный вопрос. М. 1886. 64 с.
10. Леонтьев К.Н. Над могилой Пазухина // Цветущая сложность. М. 1992. С.287.
11. РГАЛИ. Ф.95. Оп.1. Д.837. Л.6.
12. РГАЛИ. Ф.290. Оп.1. Д.51. Л.4.
13. Тихомиров Л.А. Социальные миражи современности //Русское обозрение. 1891.№ 7. С.284.
14. Леонтьев К., наш современник. Спб. 1993. С.371.
15. Тихомиров Л.А. Воспоминания. М.-Л. 1927. С.397.
16. ГАРФ. Ф.634. Оп.1. Д.22. Л.34.
17. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Избранное. М. 1993. С.95.
18. Пайпс Р. Русский консерватизм во второй половине 19 в. Доклад на XIII Международном конгрессе исторических наук. М. 1970. С.11.
19. Коноплянкин И. Жизнь К.Леонтьева.Спб. 1911. С.124.

НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ВОСПРИЯТИИ СМЕРТИ В КОНТЕКСТЕ
ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА.

Зайцева Т.И.

При рассмотрении ряда подходов и методов анализа проблемы смерти, наработанных в современной французской историографии, становится очевидным смысловое совпадение как многих результатов, так и самих направлений исследовательского поиска. Это обстоятельство делает возможным реконструкцию некоторых моделей, на отдельных разрозненных сюжетах обнаруживаются общие доминанты ментальности смерти. Через призму смерти, отношения к ней средневековый человек обнаруживал и отношение к себе, обществу. Это отношение не было неизменным; традиционализм, авторитарность, подчинение корпоративным нормам постепенно сменялись новыми ценностями, связанными с осознанием собственной идентичности, и это новое умонастроение проявляло себя в отношении человека к смерти. Западная медиевистика наработала на этот счет богатый материал. При рассмотрении изменения представлений о смерти раскрывается их историческая обусловленность, связь с другими ценностями, а также с процессом становления самосознания личности, складывания человеческой индивидуальности. Тем самым становится возможным установление связи умонастроений с динамикой исторического процесса.

В контексте трансформации европейского общества на рубеже XIV- XV веков вырисовывается целый комплекс новых явлений и в восприятии смерти. Следует учитывать, что эта трансформация происходила во времени большой протяженности, и любая хронология может носить только условный характер. В постепенно приводящих к разрушению традиционной культуры процессах можно выделить множество этапов и порой противоречащих друг другу тенденций.

С XIV века по Европе прокатилась волна эпидемий чумы. Возникший задолго до начала "черной смерти" социальный кризис нашел наиболее яркое воплощение

в вызванных ею психологических стрессах, что в какой-то мере определило дальнейшее изменение установок общественного сознания и норм поведения.

В историографии отмечаются такие аспекты влияния эпидемий, как десакрализация представлений, разрушение привычных устоев, дезинтеграция и разъединение людей, более того, постановка их перед выбором вариантов собственного поведения. Моральная трансформация оставшихся в живых, разрыв в преемственности между поколениями облегчил изменение традиционных представлений. Не случайно с XIV века, когда люди стали терять свои обязательства друг перед другом, и, как следствие, перед мертвыми, начался процесс разрушения характерной для Средневековья повседневной близости с миром умерших. Это явление, продолжавшееся в течении XV-XVII веков, получило наглядное выражение в перемещении погребений за городскую черту [1].

Смерть - "великий компонент" всей средневековой культуры. Однако М. Вовелль справедливо называет именно XIV-XV века эпохой триумфа смерти [2]. Чума и вызванные ею паника и рост страха порождают новое отношение к этому явлению. Страстное ожидание Апокалипсиса, движение флагеллантов, пляски Смерти, концентрация внимания на умершем, манипуляции с трупом, требование торжественного похоронного церемониала, бесконечные сетования о бренности земного и удивляющее безразличие к смерти близких людей - весь этот комплекс коллективных поведений отражает рост осознания конца как трагического и индивидуального предприятия. Ряд присущих этому времени черт отношения к смерти - унификация представления о потустороннем мире, укоренение земных ценностей, новые практики знати - связаны с возрастанием самосознания. Остановимся на некоторых моментах.

На рубеже XIV-XV веков наряду с усилением признания самоценности земной жизни наблюдается нагнетание эсхатологических настроений, рост страха за судьбу души. Разрушение традиционных порядков приводило в позднее Средневековье к созданию атмосферы разочарованности и неуверенности в будущем, ощущения собственного бессилия. В этой обстановке происходит увеличение значения ада, усиление придаваемой ему мучительности, детальная проработка ожидающих грешников наказаний, что, несомненно, было порождено нарастанием противоречий между моральными нормами и потребностями реальной действительности. М. Блок считал страх ада одним из важнейших социальных фактов этой эпохи [3]. /На этом фоне закономерно широкое распространение получает идея чистилища - более оптимистичной альтернативы в перспективе спасения души/.

Еще один из аспектов характерного для позднего Средневековья видения смерти - макабрическая идея. Хейзинга писал, что в этот период она так или иначе оказывала влияние на все восприятие смерти. Различные варианты изображения Пляски Смерти усиливают акцент на физической стороне смерти, обращаясь к изображению телесной гибели. Это очень земной по своему характеру образ смерти [4].

Чертой времени является "инфляция" практик - рост вложения в собственное загробное существование /как следствие усиления переживания о смерти/, социальное и индивидуальное утверждение в обрядах похорон и погребения. Формируется подлинная "бухгалтерия" по отношению к потустороннему миру, чрезвычайно возрастает количество заупокойных месс. Эти "инвестиции" определяют новые, изменившиеся отношения с мертвыми и потусторонним миром, завещания показывают возросшую самостоятельность индивида в решении судьбы тела и имущества. Традиционный похоронный обычай вытесняется конкретным волеизъявлением завещателя. Растет число требований пышных похорон - средство утверждения социального статуса, привилегии проявляются и в погребении. Происходит возрождение практики обозначения могил /с XII века/, появляются пышные памятники и усы-

пальницы для знати [5]. Таким образом, в смерти происходит утверждение социального ранга умершего, возмещение земных заслуг.

Следствием индивидуалистических тенденций становится концентрация внимания на земной жизни индивида, растет ее признание. Этот сдвиг связан с изменением в общей системе ценностей. Комплекс черт - исчезновение представлений о близости с миром умерших, широкий успех произведений тематики Плясок Смерти, распространение пышных похорон для знати, развитие подлинной "бухгалтерии" по отношению к потустороннему миру, огромное количество заказываемых месс, - по мнению Ж. Шиффоло, знаменует изменение отношений с Богом, мертвыми и потусторонним миром, уход в прошлые эпохи, когда смерть была повседневной, близкой и знакомой, появлению понятия человеческой личности [6]. Таким образом, кризис средневековой цивилизации отражается косвенно через изменение положения смерти в культуре.

Примечания:

1. Zebrun F. Zes hommes et lo en Anjon aux XVIIe et XVIIIe siecles, 1971, P. 430-435, 482.
2. Vovelle M. Za mort en Occident : De 1300 a nos jours, 1983, P.87
3. Блок М. Апология истории. М., 1986, С.150.
4. Хейзинга И. Осень Средневековья. М., 1988, С.162.
5. Aries Ph. image de l'homme devant la mort, 1983, p.42.
6. Реферативный журнал, 1984, № 5, С. 160-164.

КУЛЬТУРФИЛОСОФИЯ : ДУХОВНОЕ ЗНАНИЕ ИЛИ СОЦИОТЕРАПИЯ.

Свиштунов В.Н..

Культурфилософия возникла в момент утраты всех инвариантов единой картины мира. Реализацией императива - стань тем, кто ты есть - теперь выступает необходимость видеть мир и творить с определенной уникальной позиции, которая дается человеку вследствие его рождения в определенном месте и в определенное историческое время.

Отсутствие единой научной теории пространства и единой теории времени санкционируют познание человеком своего индивидуального места в мире и поэтому он не может стать собой. Не может человеку здесь помочь и обращение к скрытому от научного знания - и от знания вообще - порядку вещей, в котором таинственным образом укоренена индивидуальность вещей, так как скрытая, таинственная картина мира так же условна и относительна, как и явная научная или философская.

Индивидуальность может быть понята и радикально - как откровение новой и уникальной картины мира. Индивидуальность - как открытие новых и "внемирных" форм. Но тогда она должна обосновать универсальность своих открытий. И здесь неизбежно практика обоснования обращается к предисторическому, к мифологии, к медитативным техникам, к оккультизму, к религии, к метафизике, к бессознательному.

Платонизм, каковым преимущественно является европейское философское мышление, интерпретирует творчество, понимаемое как возникновение нового и оригинального, как фигуру припоминания того, что все помнили и могли помнить, но забыли. В результате этого творчество нового приобретает серьезность и общеобязательность, но в то же время и тоталитарную претензию. "Фигура вспоминания" характерна мировоззренческим системам от теософии до марксизма и психоанализа.

Естественно, что и такая чисто внутренняя и изнутри постигаемая - или припоминаемая - единая картина мира наталкивается в наше время на скепсис. Фундаментальная онтология М. Хайдеггера постулирует : воспоминание о забвении бытия означает напоминание о том, что его невозможно вспомнить. Бытие скрывает себя именно тем, что показывает себя. Постхайдеггерианский психоанализ Ж. Лакана и постструктурализм Ж. Деррида интерпретируют внутреннюю очевидность как идео-